

Община Св. Великомученицы Екатерины ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ЛИСТОК № 7-2008 (32)

К 42-й годовщине со дня смерти протопресвитера Николая Афанасьева
КАК СЛОЖИЛАСЬ «ЦЕРКОВЬ ДУХА СВЯТОГО»* Мариамна Афанасьева.

Отец Николай не раз говаривал жене: «Все думают, что я пишу мои труды моим логическим умом и ученостью. Но ведь это только так, потом приходит мне на помощь. А начинаю я писать слезами и кровью сердца моего...».

Вспоминая процесс возникновения «Церкви Духа Святого», я все больше вижу, насколько это было правильно... И прежде всего я вижу Сэн Рафаэль зимою 1940-1941 года. Ледяной ветер с гор, свинцовое ледяное море, замерзшие пальмы на набережной. Густая волна ненависти заливают Европу. Жизнь, народности, души и тела человеческие разрываются на части. Сильные мира сего борются, кому из них быть больше. Еды мало. Топлива тоже.

По вечерам о. Николай и его семья грелись на кухне маленького «meuble» у плиты, в которой потрескивали шишки. Однажды вечером о. Николай встал и сказал жене: «Как мне хочется писать! Но мой почерк такой плохой. Бери тетрадку и пиши». И взявши в руки Новый Завет, он начал диктовать: «Народ Божий». — «Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел...».

Так был начат труд жизни о. Николая: «Церковь Духа Святого», гимн во славу Церкви, соединяющей в любви; во славу служений в Церкви: «Кто из вас хочет быть первым, да будет всем слугою...»

Не надо, однако, думать, что этот труд возник «ex abrupto» [внезапно]: нет, он был подготовлен не только двадцатью годами богословского творчества, но и всей жизнью отца Николая.

В детстве Николай Афанасьев, воспитанный своей матерью, одной из тех набожных, незаметных женщин, которые и поныне составляют «нерушимую стену» русской Церкви, мечтал быть... архиереем. Идея «служения» — одна из главных тем «Церкви Духа Святого» — уже с юности определила его жизненный путь. Он считал, что пахать землю, родную черную землю, лучшее служение для христианина: не на ней ли зрели золотые колосья, из которых пекли караваи ситного хлеба... и просфоры для Евхаристии? А для интеллигентного человека есть три истинно христианских служения: врача, учителя и священника. Поэтому по окончании гимназии он поступил на медицинский факультет Новороссийского университета. Однако, по слабому ли здоровью или по чрезвычайной впечатлительности, дальше первого курса он не ушел. Стать юристом по стопам отца, присяжного поверенного Николая Григорьевича Афанасьева (умершего, когда Николай был еще гимназистом), он не захотел, несмотря на несколько юридический склад ума (что не мешало ему отрицать право в Церкви). Он предпочел чистую математику, изучение которой наложило сильный отпечаток на его мышление, как это так верно отметил его друг и почитатель Dom Olivier Rousseau: отсюда ясность мышления, тонкость анализа, частое употребление доказательств «от противного».

Как студент математик, Н. Н. был принят в 1915-ом году в Сергиевское Артиллерийское Училище и служил, как во время «Великой», так и во время гражданской войны в Береговой Артиллерии.

В юношеские годы Николай Афанасьев, не отходя от Церкви, был однако довольно далек от чисто церковных и богословских интересов. Конечно, он отдал дань многим «властителям дум» того времени, эпохи религиозно-философских исканий: Ницше, Розанову (с его преклонением перед плотью), Мережковскому, Вяч. Соловьеву... И, как все наше поколение, «рожденное в года глухие», он был «зачарован» (выражение лучшего друга Н. Н., отца Киприана) таинственной музыкой поэзии Ал. Блока.

В бесконечной скуке крепостной службы (в Ревеле) подпоручик Афанасьев находит себе оригинальное развлечение: философию. Он штудирует Канта и надоело остаться под влиянием «Критики чистого разума». Так, постепенно, несмотря на потрясения, пережитые с 1905-го по 1920-ый год, или, скорее, благодаря им, совершается в уме и сердце Н. Н. переход от физико-математических наук

к философским и богословским исканиям. В страшные годы гражданском войны, после мимолетного увлечения столь модной в начале века теософией, его все больше влечет единое истинное утешение — во Христе и Его Церкви.

И вот катастрофа, эвакуация, разочарование во всех прежних идеалах, в мечтах, в людях. Н. Н., давно уже отор-

ванный от нежно любимой матери и сестры, один в чужом краю. В 27 лет Н. Н. чувствует себя стариком. Но еще остается надежда на возвращение на родину, на служение Господу в родном краю. В этот момент Господь Сам указывает ему дорогу к тем служениям, о которых он смутно думал в молодости: учителя и священника; он поступает на Белградский богословский факультет. Когда все рухнуло, остается одна твердыня — служение Господу в Его Церкви.

В годы учения в Белграде Н. Н. постепенно освобождается от влияния кантианства, вживается в церковную жизнь, в Новый Завет, и переживает «цветение душ» первоначального белградского кружка. Благодаря кружку и активной деятельности по созданию первоначального «Движения» [подразумевается русское студенческое христианское движение (РСХД)], он встречается с отцом Сергием Булгаковым и проникается его идеей «оцерковления жизни», как основной задачей начинающегося Движения, и его евхаристическим вдохновением. Так с молодости, больше сердцем, чем умом, определяются основные темы «Церкви Духа Святого»: служение Богу через служение всех всем, Церковь, Евхаристия.

На путях первоначального Движения Н. Н. встречается также со своей будущей женой. Когда, по окончании факультета, в 1925-ом году он начинает свое служение Господу на чужбине, он уже не чувствует себя стариком, он не один. У него есть духовный отец, отец Сергей Булгаков, учитель — А. П. Доброклонский, «дядюшка» — В. В. Зеньковский, «младший брат» — Костя Керн (Арх. Киприан) и спутница жизни. А самое главное, он живет в Церкви и для Церкви. Учительство (преподавание в гимназии в Скопле) вовсе не

удовлетворило Н. Н. Надо было преподавать Закон Божий по программе, по казенному. Впрочем, Н. Н. взялся за это дело временно, чтобы иметь возможность готовиться к научной деятельности. В годы преподавания в Скопле (1925-1929) а также и в первые годы в Париже (1930-1932) он работает под руководством профессора А. П. Доброклонского, вдумчивого и требовательного историка. Так он пишет свои первые труды: «Государственная власть на вселенских соборах» (с дополнением: «Провинциальные собрания Римской империи и вселенские соборы») и большой неизданный труд: «Ива Эдесский и его время». В этих трудах уже намечаются многие темы и проблемы дальнейших трудов о. Николая: природа и происхождение церковных соборов, право в церкви, Церковь и государственная власть (Церковь и «мир»), а также интерес Н. Н. к догматике («Ива Эдесский» посвящен истории христологических споров), который связал его с отцом Сергием Булгаковым.

В первые годы жизни в Париже (1930-1932) Н. Н. работает над религиозно-педагогическими, моральными и социальными проблемами в качестве сотрудника Религиозно-Педагогического Кабинета при Богословском Институте, созданном другом и учителем Н. Н. по Белграду В. В. Зеньковским. Еще в Белграде В. В. Зеньковский и профессор Иордан Илич направляли Н. Н. в сторону изучения религиозной педагогики.

Одновременно, начиная с 1930-го года, Н. Н. начинает читать лекции в Богословском Институте по каноническому праву и по греческому языку. Так он становится большим специалистом-канонистом и в то же время получает обширное образование по Новому Завету. Благодаря участию в «Семинаре отца Сергия», Н. Н. начинает увлекаться догматическими вопросами, и его исторические и канонические исследования принимают все более догматический характер, вследствие чего его курсы по церковному праву переходят в курсы по экклезиологии. Огромное личное влияние отца Сергия, духовного отца и старшего коллеги Н. Н., его идеи центральности Церкви и Евхаристии приводят Н. Н. к созданию «евхаристической экклезиологии». Он читает в семинаре о. Сергия доклад: «Две идеи вселенской Церкви», который, как ни странно, вызывает некоторую критику со стороны любимого старшего коллеги. Не лежала ли причина этого недоразумения в том, что Н. Н. не был софиологом, хотя и очень высоко ценил учение отца Сергия, как «величайшую попытку объяснения зла на путях монизма»? И осуждение софиологии со стороны Москвы он воспринял и как свою личную драму, и как церковную трагедию.

Огорченный критикой своего учителя, Н. Н. оставляет на время линию евхаристической экклезиологии и возвращается к изучению соборов; особенно он интересуется вопросом о происхождении соборов. Для этой работы о. Сергий и митрополит Евлогий устраивают ему, в 1936-м году, командировку в Лондон. Здесь он начинает большой труд, обозначенный в «List of Writings» 1936-47-го года, как: «Церковные соборы и их происхождение». Труд этот начинается в «булгаковских» тонах, в цикле идей соборности. В дальнейшем он постепенно переходит в исследование об евхаристическом собрании и об учении о Церкви, как Теле Христовом. К сожалению, этому любимому детству Н. Н. не повезло: он должен был продолжать свой труд в Риме, куда он получил командировку в сентябре 1938-го года, но события не дали ему доехать до Рима. В начале войны 1939-го года Н. Н. оказался в Швейцарии. Боясь потерять свою рукопись при осмотре на границе, он оставил ее на хранение в Швейцарии. Когда началась война и все кругом начало рушиться, Н. Н. исполнил намерение, которое давно откладывал по многим причинам: в день Собора Божией Матери, 26-го декабря 1939-го года (8-го января 1940 года) он был рукоположен блаженной памяти митрополитом Евлогием во иерея.

Продолжение на стр. 3

* Текст дан в сокращении.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ (†397)

Представьте, что парижскому префекту велено в один прекрасный день заместить городского архиепископа, и станет ясно, что однажды случилось с Амвросием, преемником арианского епископа Авксентия. Ловкий политик, он всеми правдами и неправдами удерживал свой пост, упорствовал в заблуждении. Кто станет преемником? Ясно было одно: мирное и согласное решение вряд ли возможно. Ждали столкновения ариан и православных. Амвросий присутствовал по долгу службы, чтобы пресекать раздоры, права голоса он не имел, он даже еще не крестился, был лишь оглашенным, и вдруг чей-то неведомый голос - уж не дитя ли невинное? - выкрикнул: «Амвросия в епископы!» И новый кандидат был одобрен единогласно.

ЕПИСКОП ПОНЕВОЛЕ

Избрание пришлось Амвросию не по вкусу и не соответствовало его планам. Амвросий протестовал, говорил, что он лишь оглашенный и не потерпит принуждения. Все было бесполезно, пришлось подчиниться. Он стал епископом поневоле. Принял крещение и восемью днями позже, вероятно, 7 декабря 374 г., был возведен в епископский сан. Миланская епархия получила главу, влияние коего ощутимо до наших дней.

Никакого предрасположения к духовному званию у Амвросия, казалось бы, не было. Как Павел у врат Дамаска, он был обретен и призван Богом. Добропорядочный чиновник, он был глубоко честен, но особым христианским рвением не отличался, не удосужившись принять крещение на четвертом десятке, и тем вполне соответствовал современному ему обществу, еще не завершившему путь к христианству.

Амвросий родился в Трире, отец его управлял преторианской префектурой в Галлии, мать была замечательной христианкой, как матери Иоанна Златоуста и Василия. По смерти мужа она обосновалась в Риме с тремя детьми, двумя мальчиками и девочкой, на которую папа Либерий возложил девственное покрывало. Мать была душой семьи, хранительницей очага. Амвросий получил строгое аристократическое воспитание и провел юность в трудах, изучая античную историю и право. Он быстро выдвинулся, сделал надежную карьеру, и в тридцать лет занял первый пост в столичном городе Милане. Молодой префект успел завоевать своей честностью и обязательностью единодушную поддержку горожан - не потому ли Церковь призвала его к себе на службу?

Началась новая жизнь. Добросовестно, с прилежанием, которое стало его второй натурой, осваивал Амвросий обязанности епископа. Ему мало было стать хорошим церковником, он принял новую должность как решительную перемену всей жизни. Он раздаст имущество нуждающимся, и жизнь его заполняется беднями и постами. Он отдается руководству опытного священнослужителя Симплиция, тот посадил его на богословские штудии, и Амвросий страстно читает Писание, учится у греческих Отцов, не минуя Филона и Плотина. Видимо, он обошел стороной Тертуллиана и Киприана: цитат из них у него не встречается.

Его толкование Писания и богословские опыты отмечены глубоким влиянием Оригена, которого он, кстати, пытался переводить. Подобно богословам Александрийской школы, он хотел проникнуть за пределы буквального смысла и обрести смысл духовный, скрытый за буквой. «Напитайся Ветхим или Новым Заветом, в том и другом обретешь Христа».

ПАСТЫРЬ

Амвросий - прежде всего пастырь, отец верующих. Недаром Августин запомнил его «окруженным толпой бедняков, и нелегко было к нему пробиться». Доступный каждому из страждущих этот епископ изначально посвятил свою жизнь посредничеству Слова. Все его писания суть записи проповедей. Его догматические и аскетические трактаты - приложения к тем же проповедям. Миланский епископ шел целиком от Писания. Он и начал с евангельских проповедей, обратившись сначала к Евангелию от Луки, которое, очевидно, представлялось ему наименее трудным для истолкования. Толкования его дошли до нас, это самые пространственные произведения миланского епископа, они полностью основаны на соображениях Оригена.

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрации: Св. Амвросий, мозаика IV-V вв., Амвросианская базилика, Милан.

До нас дошло также несколько малых трактатов - это, вероятно, предварительные конспекты произнесенных им проповедей - о рае, об Авеле и Каине, о Ное, об Аврааме, Исааке и душе, об Иосифе и жизни блаженной. Толкование на сотворение мира, вдохновенное Василием Великим, было произнесено с амвона во время Великого поста.

Многие его писания родились в процессе приготовления оглашенных. Посвящение в таинства христианской веры, подготовка к крещению занимали большое место в жизни епископа. Он изъяснял оглашенным таинства и литургию на примерах из Библии; растолковывал обряды крещения и богослужения. Мы имеем две версии его огласительных проповедей - «О таинствах» и «Об обрядах» - одну тщательно отредактированную, другую скорописную; на радость историкам, при сравнении можно обнаружить интонации живой речи.

Амвросий был замечательным оратором, и Августин, признанный авторитет в этой области, не уставал его слушать. Но проповеди Амвросия были лишь частью его литургического действия. Епископ привлекал верующих к участию в богослужении и ввел в обычай народные песнопения. Он обновил в Милане исполнение псалмов по антиохийскому примеру. Он и сам писал гимны и клал их на мелодии, вдохновенные греческими песнопениями. Некоторые из его сочинений и поныне служат благочестию восточной Церкви.

Епископ Миланский знал по опыту, что современное ему общество еще нельзя назвать вполне христианским. Он взялся реформировать нравы, указывая на евангельские образцы. Он дал Западу первый трактат о христианской этике, «De officiis», где многое, вплоть до названия, заимствовал у Цицерона; вдохновляясь трудами великого латинского оратора, он старался перетолковать его на христианский манер. Он не отвергал римскую древность и даже ссылаясь на римских поэтов, похоже, не отдавая себе отчета, в каком упадке находились римские установления.

Амвросий особенно заботился о христианском образе жизни, превыше всего - о девственности, одной из прекраснейших побед христианства над языческими нравами. Он говорит об этом с замечательным тактом, недоступным тому же Августину. Мы не найдем у него ни намека на пошлость или нескромность в духе Тертуллиана. Слова о девственности, вероятно, вдохновенные его мариолатрией, он как бы исторгает из собственного сердца.

Девственность превозносится во многих его произведениях. Одно из них адресовано его сестре Марцелине, которая собрала вокруг себя миланских девственниц. Равным образом Амвросий заботился и о пастырском руководстве вдов и написал для них особый духовный трактат.

РЕВНИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В обществе, где неравенство состояний было нормой жизни даже в церковной среде, епископ Миланский с исключительным упорством отстаивал христианский принцип, которым многие с легкостью пренебрегали: с отчетливостью правоведа и суровостью моралиста он обличал вред денежных отношений и избытка собственности. Смелостью обличения он едва ли не превосходил самого Василия. В одном из трактатов этот охранитель власти Рима писал: «Ты раздаешь бедным вовсе не свое добро, ты возвращаешь им их собственное. Ибо ты присвоил из того, что дано всем в общее пользование. Земля принадлежит всем, а не одним лишь богачам, и тех, кто не трудится на ней, меньше, нежели тружеников. Итак, ты отдаешь долг, а вовсе не сыплешь щедротами».

История сохранила яркие свидетельства деятельного стремления Амвросия укрепить независимость Церкви. Ко времени арианских распри имперское вмешательство в дела веры причинило столько вреда, что весьма уместно прозвучало напоминание епископа Миланского о преданном забвению принципе: «Император - в Церкви, а не над нею». Когда поруганию предавалось Евангелие или простая справедливость, Амвросий умел отрешиться от личной приязни и даже от дружбы. Ему, бывшему сановнику, представителю власти, требовалось для этого особое мужество. Он направил на путь истинный и самого великого Феодосия, когда тот повелевал истребить в Фессалониках семь тысяч человек, в том числе женщин и детей, в отместку за убийство мятежниками готского военачальника. Амвросий заклеил преступление и отлучил императора. Кесарь поначалу упорствовал, но затем раскаялся, и в Рождественскую ночь 390 г. могущественнейший из земных властителей в покаянном облачении признал свой грех, повинился в нем, и лишь затем был снова принят в лоно Церкви. У той жестокой эпохи было и свое величие. Пятью годами позже тот же Амвросий произнес погребальное слово императору. Сам он пережил его лишь на два года.

В том, что римский аристократ стал в сумеречном IV в. отцом бедняков, явлено евангельское чудо. Останься он язычником, он, вероятно, жил бы на склоне лет одиноко и безоблачно и вечерней порою услаждал бы душу чтением Вергилия. Благая весть претворила сановника в служителя Церкви, сделала целомудренного отца окрестной бедноты. Вера очеловечила римского правителя: он стал вполне человеком, близко соприкоснувшись с обычными людьми. По благодати он сделался пастырем для малых сих. К нему самому относятся его слова о Христе, «который не искал общества ученых, ни бесед с мудрецами, но был с простым людом, с теми, кто и оценить-то не мог, что слышал». Правда, Августин встретил известие о его епископстве несколько критически. Возможно, Амвросий был придирчив к молодому и честолюбивому ритору, а может статься, он просто испытывал чересчур страстного африканца.

Этот рачительный римлянин жил в скрытом напряжении чувств: возможно, он унаследовал страстную натуру матери, еще пылавшую огнем веры. Нигде это не проявилось с такой силой, как в его речи на похоронах молодого императора Валентиниана II убитого в 392 г.: «Господь и Бог мой, невозможно пожелать для других лучшего, нежели желаешь для себя. И вот я молю Тебя: не отлучи меня, по смерти, от лица тех, кого столь нежно любил я на земле».

Душевные глубины Амвросия обнаруживаются главным образом в молитве. Она раскрывает тайную сущность его жизни. Но даже в этих мистических излияниях он целиком зависит от Оригена, вернее - находит себя в нем. Молитвы Амвросия в пылких выражениях изъясняют его любовь ко Христу и предвосхищают св. Бернарда.

Его поразительная искренность выдает смиренное сердце, чуткую душу и ту особую впечатлительность, благодаря которой он полюбил Вергилия. Как только этот сдержанный римлянин на минуту отрешается от своей сдержанности, он оказывается на редкость чувствительным. Как Иларий, он кипит под ледяной коркой. Этот пастырь умел смирять свои чувства и не знал снисхождения, если под угрозой оказывалась справедливость или попиралось человеческое достоинство, - пусть даже пограл его и сам римский император, - но человека слабого и грешного всегда готов был утешить и поддержать.

Евангелие от Луки учило его бережной снисходительности к падшим. «Ниспосли мне, - писал он, - сострадание всякий раз, как я окажусь свидетелем грехопадения, дабы я не карал высокомерно, но плакал и сокрушался». Эти свойства отчетливо проявляются в его переписке. В ней виден человек деловой, энергичный, но и неизменно добрый, покоряющий своим мягким обаянием.

СОЧИНЕНИЯ

Писания Амвросия не дают о нем полного представления. В них, разумеется, немало достоинств, однако философское и богословское образование его было недостаточным, не было у него ни силы богословской мысли, ни творческого воображения, какими прославился ученик его Августин. Писал он наскоро, затертыми фразами, примеряясь ко вкусам эпохи. Он был слишком занят своими пастырскими делами, чтобы отделять слог и создавать образцовое произведение изящной словесности. Впрочем, дошедшие до нас два черновика его наставлений о таинствах свидетельствуют, что он умел работать над словом.

Говорил он, несомненно, лучше, чем писал. Речь его отличалась естественной интонацией и прямотой, а подчас и резкостью выражений. Он знал людей и владел их настроением. Он умел завораживать, об этом говорит и Августин: «Там я и задержался; ибо слово его пригвоздило мой рассеянный слух. По правде говоря, мне и нужды не было до смысла его слов, я им пренебрегал; но проникся очарованием его речи» («Исповедь», 5, 13).

Как епископ он был совершенно на своем месте. Это один из самых прекрасных пастырей, каких знала Церковь. Он был епископом в полной мере: наставник, пастырь, лекарь, исповедник, щит справедливости, заступник бедных и угнетенных,

наконец, просветитель, - он немало потрудился для обращения германского племени маркоманов. Он просветил верою королеву Фригитилию, обратившуюся к нему. Ему выпало счастье принять в лоно Церкви св. Августина и предопределить его жизненный путь. Такое разнообразие дарований, казалось бы, находится в противоречии с единством приобщения и вдохновения. Но он был из тех редких людей, кто органично и просто сочетает деяние и бытие.

В начале 397 г. на склоне жизни Амвросий составлял толкование на псалом 43. Дойдя до стиха 24, он написал: «Тяжело столь долго влечь тело, уже овеванное мраком смерти. Восстань, что спишь, Господи! Навсегда ли отринешь?» Это были его последние строки. Как человек он весь сказался в этом последнем молитвенном возгласе. Епископское служение он заповедал грядущим христианским векам.

Господь сотворил день, и Господь сотворил ночь, но не ради греха, а ради отдохновения. Вера есть свет негасимый.

ВЕЧЕРНЕЕ ПЕСНОПЕНИЕ

О Боже, сотворивший Порою сумрачной ночи вселенную затмевается сияние дня, и небеса; Ты облачил но вера неподвластна мраку, день в сияние света, и сама озаряет ночь.

ночь наделил сладостью сна.

Неизменно пусть бодрствуют

Даруется отдых усталому телу наши души,

от его повседневных трудов; Остерегаясь греха!

облегченье усталых сердец Вера блюдет наш отдых

и рассеянье тяжких забот. От всех опасностей ночи.

Благодарность Тебе воздадим за Гони искушенья нечистые, день,

Пусть в покое пребудут

Вознесем, по пришествии ночи, наши сердца.

наши молитвы и наши обеты, И ухищренья лукавого

дабы нам не остаться без тишины да не встревожат.

поддержки Твоей.

Исторгаем для Тебя из глубины Вознесем молитвы Христу и Отцу

сердец И Духу, единому в них обоих,

наши прекраснейшие гимны; нераздельная, о всемогущая

ибо Тебя возлюбили чистойшей Троица,

любовью, охрани же тех, кто к Тебе

преклоненные пред величьем прибегает Твоим.

***

Продолжение, начало на стр. 1. «Мне хочется быть ближе к Богу», — говорил он; точно среди всеобщего крушения ему хотелось припасть к престолу и стать ближе к единой всеобъемлющей Любви. Очутившись в 1940-ом году в «беженстве» на юге Франции, почти без книг, без рукописи, о. Николай начал свой труд наново, в значительной степени под влиянием «вдохновения от алтаря» и под впечатлением грозных событий. В этом новом труде идея соборности уже находит себе новое выражение (учение о рецепции) и на первое место выступает идея «царственного священства» и цикл идей «евхаристической экклезиологии».

В июле 1941-го года митрополит Владимир посылает отца Николая в город Тунис для обслуживания разбросанного по всей стране русского прихода. Потом прибавился еще приход города Бизерты и временами обслуживание греческих приходов городов Туниса и Сфакса. В течение шести лет о. Николай был погружен в приходскую работу: служил, крестил, венчал, проповедывал, учил детей, заботился о больных и бездомных, устраивал лагерь для детей и, увы! очень много хоронил. Все это в тяжелых условиях военного времени, временами под бомбами, и несмотря на тяжелые болезни. Но благодаря любви и помощи его прихожан (в частности, они преподнесли о. Николаю пишущую машинку, вывезенную из России офицерами русского флота, с которой о. Николай уже больше не расставался и за которой он забывал обо всем на свете), о. Николай смог продолжать задуманную в Сен Рафаэле книгу. Книг было мало, но была Книга Книг: Евангелие, Послания, Деяния, Пророки. И были богослужебные книги и некоторые отцы Церкви. Так, молитвами Великого Павла, Апостола Любви — Возлюбленного Ученика и св. Игнатия Богоносца, создавалась «Церковь Духа Святого» на древней карфагенской земле.

Вернувшись в 1947-ом году в Париж, о. Николай погрузился в обработку «Церкви Духа Святого» в свете обширной новой литературы. Одновременно им было написано исследование «Неудавшийся церковный округ», который он представил Совету профессоров в виде предварительной диссертации, зачтенной ему вместо докторских экзаменов.

Докторская диссертация «Церковь Духа Святого» должна была первоначально состоять из двух частей: 1) «Церковь Духа Святого», посвященная служениям в Церкви и возникновению иерархии в Церкви (так сказать, картина образования живой ткани церковного Тела в его историческом становлении) и 2) «Границы Церкви», в

которой о. Николай хотел через анализ учения апостола Павла о Церкви — Теле Христовом и учений свв. Игнатия Богоносца и Киприана Карфагенского подойти к трагедии Церкви: разделению. Среди всеобщего развала, всеобщей désagrégation [фр. распад, разделение на составляющие], когда человечество научилось désagrégger даже атомы человеческого тела, при виде всех разделений, терзавших тело Церкви от начала христианства, «одно видение, непостижимое уму», но постижимое духом и сердцем, завладевало мыслью о. Николая: видение «Una Sancta», единого Тела Христова.

В 1948-ом году о. Николай печатает в «Православной Мысли» № VI начало первой части своего труда под названием «Народ Святой». В «Православной Мысли» № VII (1949 г.) появляется под названием «Границы Церкви», начало второй его части. Затем, видя, что его труд достигает слишком большого размера, о. Николай решил разделить его и сделать из одной только первой части свою докторскую диссертацию. Она была представлена под названием «Церковь Духа Святого» (444 страницы на машинке: 7 глав, введение и три экскурса) в 1949-м году оппоненту, епископу Кассиану. Вторым оппонентом был В. В. Вейдас. Последнюю главу этой первой версии диссертации о. Николай обработал для актовой речи, произнесенной в 1949-ом году под названием: «Власть Любви». Сдав оппонентам свою диссертацию, о. Николай вернулся к работе над второй частью. Зимой 1949-50-го года он написал основную главу своего труда, «ключевую» как для диссертации о. Николая, так и для всей его мистической концепции Церкви: она появилась в «Pensée Orthodoxe» под названием «L'Eglise de Dieu dans le Christ». Впоследствии он написал только еще одну главу второй части: «Кафолическая Церковь» («Православная Мысль» № 11, 1957). Остальные главы были созданы только в уме и сердце о. Николая и из них возникла статья: «Una Sancta».

2-го июля 1950-го года состоялась защита диссертации. После этого у о. Николая были разные проекты напечатания диссертации (YMCA-Press, Irénikon), но затем он решил сделать сначала ряд дополнений к своему труду. Мысль его постоянно шла вперед, и ему хотелось быть à la page [фр. быть в курсе] новейшей литературы. Дополнения вызвали необходимость переделки ряда страниц. О. Николай так увлекся этой работой, что во второй версии «Церкви Духа Святого» оказалось уже не 444 страницы, а 600 (предисловие, 8 глав и один экскурс). Работа над второй версией, а также составление библиографии и индексов заняли не-

сколько лет, Тем временем поле деятельности о. Николая все расширялось: работа по Институту, чтение новых курсов лекций, работа для Епархиального Управления, создание вместе с дорогим другом молодости, о. Киприаном Керном, «литургических съездов» на Подворье, участие в экуменической работе — направили мысли о. Николая в сторону издания более кратких и общедоступных трудов. В 1952-ом году была задумана вместе с о. Василием Зеньковским и дорогим другом Б. Ю. Фисом серия «Православие и современность», для которой о. Николай написал в порыве вдохновения «Трапезу Господню» и для которой он обработал введение и первые две главы своей диссертации, изданные под названием: «Служение мирян в Церкви». Все более усиленная работа по сближению церквей, особенно работа с католическими друзьями и коллегами, вызвала ряд докладов и статей, посвященных вопросам соборов, примата, непогрешимости, соединения церквей в свете «евхаристической экклезиологии», на французском языке. Среди них необходимо отметить: доклад, читанный на первой литургической конференции; «Le Sacrement de l'Assemblée» и этюд: «L'Eglise qui preside dans l'Amour», переведенный на три языка и имевший большой успех в кругах, близких к Ватиканскому Собору: не даром формула св. Игнатия Богоносца, из которой о. Николай сделал заглавие этого этюда, теперь произносится и в Константинополе, и в Риме устами протагонистов сближения церквей. Наконец, вершиной трудов отца Николая была статья «Una Sancta», завершение «Церкви Духа Святого», призыв к объединению в Любви, посвященная во время поездки в Грецию памяти папы Иоанна XXIII, на земле, на которой 19 веков тому назад звучали слова: «Если я имею всю веру и все знание..., а Любви не имею, то я ничто».

Последние годы о. Николай, чрезвычайно переутомленный текущей работой, отложил совсем мысль о печатании своих больших трудов, которые благодаря этому остались незаконченными («Границы Церкви»), или не вполне подготовленными к печати («Церковь Духа Святого»). При отсутствии на заключительной сессии Ватиканского Собора и знакомство с папой Павлом VI значительно подбодрило его. Он очень обрадовался, когда Б. Ю. Фис стал уговаривать его отдать «Церковь Духа Святого» издательству YMCA-Press. Но он не дождался до того момента, когда рукопись была сдана в печать: он скончался в воскресенье 4-го декабря 1966-го года, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы.

***

КНИГИ МОЕЙ СУДЬБЫ* Вольфдитрих Шнурре

Первая книга, сыгравшая роль в моей жизни, была, и это весьма показательно, очень маленькой. Она состояла из сорока или, быть может, пятидесяти страниц, исписанных разными почерками, и содержала грустные песни, в которых шла речь о кустах можжевельника, о покинутых девушках, о камышовом пухе и кровожадных охотниках. Мне было четыре года, когда мне впервые попала в руки эта книга, и я сразу ее полюбил: ведь в нее по просьбе моего отца каждая из его многочисленных подруг записывала свой любимую песню. И поскольку отец умел обычно устраивать так, что одна из них к тому же оказывалась и музыкантшей, книга эта являлась как бы сборником разнообразных песен и в наших походах мы могли довольно успешно музицировать по ней на гитаре и губной гармошке. Сегодня мне кажется, что она-то и заложила основу той слабости, какую я питаю к лирической поэзии.

Вторую книгу, повлиявшую на мою судьбу, я тоже еще отлично помню. Она была значительно толще первой и волнующе пахла клеєм и дорогой бумагой для репродукций. В ней содержались - если доверять словам моего отца и его способностям комментировать сказанное, а этому вполне можно было доверять - невероятной увлекательные вещи; так, к примеру, что якобы никакой не аист приносит детей, а они каким-то образом оказываются внутри матерей, и, когда им надоедает, что их повсюду таскают с собою, они выбирают наружу и, стало быть, рождаются.

В книге была помещена также необычайно красочная иллюстрация. Иллюстрацию покрывала страница из тонкой, папиросной бумаги, специально для того,

чтобы контуром повторить изображенное на картинке. И повсюду на эти контуры были нанесены цифры, а внизу напечатано, что каждая из цифр означает. Папиросная бумага всегда прилипала, когда отец отделил ее от иллюстрации и считал меня достойным, уж и не знаю, в который раз, разглядывать ее. На картинке были необыкновенно разноцветные кишки, красное сердце, синие легкие и тому подобное, а среди всего этого был изображен головоу вниз бледный, с закрытыми глазами ребенок. Мне как раз исполнилось семь лет, когда отец с помощью этой книги рьяно принялся за разъяснительную работу. И хотя она, доставила нам массу неприятностей, поскольку в школе я не скрывал своих новых познаний, я сохранил о книге со стоящим на голове ребенком чрезвычайно уважительное воспоминание. Ведь все-таки именно с разоблачающего белых аистов тома и началась моя, до сих пор не желающая закончиться, эпоха скепсиса.

А скепсис оказался необходимым мне и в отношении третьей книги, сыгравшей роль в моей жизни. Я познакомился с ней сперва лишь случайно, хотя и вполне литературным путем. А именно: одна из воспитательниц детского приюта рассказала нам жуткую историю, от которой мороз подирал по коже. Я лишь удивлялся, что в столь набожном доме можно услышать подобные ужасы.

Правда, в этой истории постоянно шла речь о какой-то религиозной книге. Это был здоровенный томище с золотым крестом на обложке. Из поколения в поколение передавали эту священную книгу. Нет, нет, в этом пока что ничего еще не было. Самое страшное ожидало слушателя в конце. Молния ударила в дом, семья, как принято говорить в таких случаях, отделалась легким испугом. Но с девочкой, до тех пор ничем не примечательной, вдруг сделался припадок благочестия. Она ринулась в горящий дом и вытащила из него, сама при этом обгорев, как бы вы думали, что - конечно же, семейную Библию. Дедушка, как можно догадаться, прижимает книгу к груди, а для маленькой обгоревшей и наверняка покрытой волдырями девочки у него находится лишь несколько слов о том, что ей, мол, теперь уготован рай. Я был возмущен. Книга, претендующая на то, чтобы ребенок спасал ее из пламени! Бумага с напечатанными на ней буквами, поставившая себя выше человеческой жизни! Мне было тогда восемь лет, но с тех пор, где бы мне не попадалась Библия, я избегал ее. Эта неприязнь усилилась настолько, что я отсрочил свое чтение Библии более чем на

тридцать лет. Сегодня я понимаю почему. Я должен был сначала познакомиться с жизнью, с историей, с литературой, чтобы потом встретиться с ними вновь, сжатыми до сути, в самой волнующей из книг, Библии, встретиться таким, каким и должно: закаленным и опытным. Четвертая из книг, повлиявших на мою судьбу, была похожей на третью и все же коренным образом от нее отличалась.

Мне было десять лет, когда я однажды на одном заброшенном земельном участке набрел на маленькое летнее строение. Деревянный пол прогнил, проглядывали темные, заваленные обрушившимися камнями своды подвала. Я щелкнул карманным фонариком и спустился вниз. На мшистых камнях и на изъеденных плесенью досках лежал голубь ядовито-белого цвета. Он умер, видимо, незадолго до моего появления, и его крылья еще слегка подрагивали. Я похоронил его там же, внизу. Вытаскивая из-под кучи камней одну из досок, чтобы соорудить крест для могилы, я наткнулся на невероятно большой фолиант. Плесень не причинила ему никакого вреда, ее можно было стереть с пористого кожаного переплета, как иней. Я разволновался, я - был уверен, что фолиант содержал адресованное мне послание. С большим трудом я вытащил его наверх. Но мне не удалось его раскрыть. Сырость, точно присосками, сцепила тысячи страниц.

Редко охватывало меня такое отчаяние, как перед этой более чем за семью печатями сокрытой книгой. Я всеми силами пытался справиться с ее обложкой, как будто моя жизнь сейчас зависела от этого. Но вот неожиданно после очередного усилия мне удалось отодрать верхнюю обложку, и я увидел, что книга разомялась надвое. И только на месте излома можно было прочесть несколько таинственных букв. Но я узнал их, потому что часто играл на еврейском кладбище: это был иврит.

Не знаю почему, но я зарыдал. Я думаю, что в этом выразилось разочарование от того, что, держа в руках послание, сулящее некую благую весть, я не мог прочесть его. Я опять спустился в подвал и похоронил фолиант рядом с голубем.

Пятую книгу, оказавшую влияние на мою судьбу, я читал по меньшей мере сто пятьдесят раз, и это ей, естественно, не пошло на пользу. Она была зачитана: загнутые углы страниц, следы от слез, жирные пятна от школьных завтраков красовались на них, переплет развалился, корешок был потерян, кругом торчали нитки. На нее невозможно было смотреть и все же это была моя любимая книга. Называлась она "Сигизмунд Бравый" и рассказывала о незабываемых приключениях и героических подвигах этого более чем бравого старого морского волка; если бы у меня ее украли, я бы еще подумал, стоит ли мне жить дальше.

У нас в школе тогда практиковалось трудовое обучение, и можно было выбирать между деревом, металлом и бумагой. Я решил попробовать себя в дереве, потому что

мечтал построить когда-нибудь на берегу Рио Гранде, деревянный дом. Но когда задуманная мною подставка для кактусов постепенно превратилась в зубочистку, я переключился на бумагу. На мое счастье. Поскольку здесь, как выяснилось позже, я мог заодно изучать, например, и переплетное дело. Это был первый случай, когда я не сразу привел в отчаяние своих учителей на уроке труда. Я только наполовину притворился дураком и заранее отказался от того, чтобы придавать своему непониманию индивидуальный характер; речь же все-таки шла о "Сигизмунде Бравом". Ведь только ради него я принял на себя такое мученичество: варить клей, фальцевать картон, шивать страницы, резать бумагу, склеивать обложку и бог еще знает что. Но великий день наконец все-таки настал: новый переплет был готов. Оставалось только обрезать со всех сторон истрепавшиеся страницы. Но вот сделано и это. Корешок проклеен, переплет наложен, и "Сигизмунд Бравый" пошел под пресс.

На следующее утро я явился в школу рано как никогда. Дрожа от волнения, я развинтил пресс и вынул из него "Сигизмунда Бравого". Он превратился в подкупающую новизной, лучше всего на свете пахнущую, прекраснейшую книгу, какую только можно себе представить. Счастливый, я перелистал ее и вдруг обомлел: у каждой из двухсот пятидесяти страниц тщательно переплетенной книги отсутствовала верхняя строчка; я слишком небрежно заправил книгу в станок.

С этого дня берет начало та одержимость, которая в среде тех, кому известна моя манера читать и писать, снискала мне дурную славу бумажного фетишиста: с этой поры я обращаюсь с книгами как с мимозой. Когда я читаю книгу, я осторожно кладу ее перед собой; никогда не приходит в голову, читая, держать ее в руках. Если одна из только что перевернутых страниц вновь приподнимается, я не провожу ладонью по стигу, как это делают неисправимые истязатели книг, а прижимаю внешний угол страницы до неприличия чистым предметом, чтобы сохранить тем самым ее упругость; и еще ни один из миллионов листов, обреченных быть в корзине для бумаги, не был мною смят: каждый неповрежденным свободно летел долу. Потому что я все еще надеюсь заглядеть вину перед "Сигизмундом Бравым".

***

* Из книги «Когда отцовы усы еще были рыжими»